

Константин Майбогов

Возрожденные народности Приморья

В великой многонациональной семье народов Советского Союза полное и всестороннее развитие, подлинную свободу и счастье обрели все малые народности России, занимавшие при царизме положение отверженных и шедшие по пути медленного и мучительного вымирания.

Только пролетариат России, осуществивший под руководством большевистской партии Великую Октябрьскую социалистическую революцию, спас малые народы от неминуемой гибели и опасности навсегда исчезнуть с лица земли.

В. И. Ленин в работе «Национальный вопрос в нашей программе», написанной в июле 1903 года, указывал:

«В проекте партийной программы мы выставили требование республики с демократической конституцией, обеспечивающей, между прочим, «признание права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства» (В. И. Ленин, Соч. Изд. 4, т. VI, стр. 412).

Развивая дальше марксистско-ленинские положения по национальному вопросу, позднее И. В. Сталин в работе «Марксизм и национальный вопрос» писал:

«...национальное равноправие во всех его видах (язык, школы и пр.), как необходимый пункт в решении национального вопроса. Необходим, следовательно, общегосударственный закон, данный на основе полной демократизации страны и запрещающий все без исключения виды национальных привилегий и какое бы то ни было стеснение или ограничение прав национальных меньшинств» (И. В. Сталин, Соч., т. II, стр. 363).

Руководствуясь ленинско-сталинской национальной политикой, Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) обеспечила всем малым народам нашей страны широкое развитие экономики, науки и культуры — национальной по форме, социалистической по содержанию.

К числу малых народностей в Приморском крае относятся его коренные жители: удэгейцы, орочи, нанайцы, тазы и другие.

Царское правительство, охранявшее благополучие помещиков и капиталистов, не проявляло ни малейшей заботы о малых народах. Более того, своей колонизаторской политикой царизм создавал для них невыносимые условия жизни. Они были бесправны, жестоко эксплуатировались, владели полуголодное существование. Малейший протест со стороны этих народов зверски подавлялся царскими властями. Наука и искусство в подобной обстановке бесправия для них были немыслимы.

Удэгейцы, орочи и другие народности Дальнего Востока, занимаясь главным образом охотой и рыбной ловлей, в поисках пушного зверя вечно передвигались с места на место, кочуя по тайге и берегам рек. В их обиходе использовались примитивные орудия труда и охоты, выделяемые из камня, рога и костей убитых животных. Весьма несложны были жилища этих народов.

«Первобытная инородческая юрта представляет из себя двускатную крышу, поставленную на землю», — писал В. К. Арсеньев. Крыша состояла из коры деревьев. В тесной, дымной и грязной юрте можно было лишь сидеть или лежать. Посредине юрты постоянно горел огонь. Зимой такое жилище не могло оградить семью кочевника от холода. Если снаружи температура достигала 30 градусов мороза, то внутри она обычно держалась минус 24.

Неудивительно поэтому, что охотник-удэгеец, располагая подобным жилищем, не доставлял туда убитого где-либо далеко в тайге крупного зверя, а, наоборот, вместе с семьей переносил немудреный домашний скерб на место, где лежал убитый зверь.

Постоянная грязь, теснота, случайная пища, употребляемая к тому же в сыром виде, отсутствие какой-либо медицинской помощи — все это способствовало различным эпидемическим заболеваниям среди кочевого населения.

Удэгейцев, нанайцев, орочей и другие народности При-

морья нещадно эксплуатировали царские чиновники, всякого рода купцы и промышленники. Например, русские и иностранные купцы, разъезжая по тайге, являлись настоящими грабителями лесных жителей. Они не считали их за людей, беззастенчиво обманывали, спаивали и за бутылку «огненной воды» (спирта), за цветные стеклянные бусы и другие ничего не стоящие безделушки скупали у них дорогие шкурки соболя, куницы и чернобурых лисиц. В стойбища удэгейцев и орочей заносились всевозможные заразные болезни. Китайские скупщики пушнины научили удэгейцев курить опиум и усиленно распространяли среди них ханшин.

Опутанные суевериями и религиозным дурманом, насаждаемым шаманами, таежные жители боялись положительно всего. Удэгейцы, например, боялись каким-либо неверным поступком прогневать бога Онку, охранявшего леса и горы. Они верили в существование злых духов, населяющих собой горы, леса, воды и способных в любую минуту причинить им несчастье.

Но больше всего они боялись человека, потому что все напасти и беды шли к ним от людей, от жадных купцов и хунгузов, рыскавших по глухим тропам тайги и часто нападавших на стойбища.

Обираемые и разоряемые алчными скупщиками пушнины, при отсутствии школ и медицинских учреждений, сплошь неграмотные — удэгейцы и орочи были обречены на вырождение и вымирание.

В. К. Арсеньев в одной из своих работ указывал, что орочи в половине XIX века представляли многочисленный народ. По рассказам стариков, их было так много, что пролетающие лебеди из Императорской (ныне Советской) гавани до залива Ольги от дыма, подымавшегося из юрт орочей, превращались из белых в черных. Это, конечно, была легенда. К установлению советской власти в Приморье количество орочей исчислялось сотнями.

Таково было положение честных и доверчивых в своей простоте малых народов, населявших Дальний Восток и презрительно именовавшихся «инородцами».

Советская власть принесла экономическое и духовное освобождение народам Приморья. В советский период они достигли невиданных успехов в своем национальном, экономическом и культурном развитии. Благодаря постоянным заботам партии большевиков, советского правительства

и лично товарища Сталина о малых народах, коренным образом не только изменился быт, но и условия жизни удэгейского и ороцкого народов. В нашем крае, как и по всей стране, не стало больше кочевников. Удэхе и орочи, находившиеся ранее на уровне каменного века, в советский период приобщились к социалистическому строю, к самой передовой в мире социалистической культуре. Кино и радио, газеты и книга стали распространенным достоянием этих народов.

Удэгейцы, нанайцы и орочи в настоящее время, кроме охоты на пушного зверя и рыболовства, занимаются земледелием и животноводством. Они объединились в колхозы и перешли к оседлому образу жизни.

Еще совсем недавно в Уське-Орочской было 5-6 покосившихся бревенчатых избушек да десяток шалашей из корья. Занятием орочей были преимущественно рыбная ловля и охота на пушного зверя. Огородные культуры, так же как и домашний скот, здесь не были известны.

Но вот в глухое, таежное стойбище для открытия начальной школы был послан советский учитель Николай Павлович Сидоров. С первых же дней Н. П. Сидоров не только стал обучать грамоте детей орочей, но он также сделался воспитателем, советником и близким другом всего населения стойбища. Учитель познакомил орочей с овощными культурами, советовал разводить домашних животных. Николай Павлович упорно и настойчиво уговаривал орочей строить дома по русскому, крестьянскому образцу. Орочи слушались совета учителя. Однако, строя деревянные дома, они вместе с тем ставили внутри шалаша — слишком велика была сила многовековой традиции прошлого. Федор Акунка, например, в течение долгого времени каждый год весной рядом с домом ставил шалаш и жил в нем летом...

Пятнадцать лет прошло, и в ранее глухом, таежном стойбище стоят 42 просторных рубленых дома. В стойбище создан сельский Совет, организован колхоз. Вместо начальной открыта семилетняя школа-интернат, где дети обучаются за государственный счет. Население стали обслуживать больница, магазин, пекарня, почтовое отделение. Здесь же имеется дом инвалидов для престарелых орочей.

В Уське-Орочской успешно развивалось коллективное хозяйство. В 1946 году колхозом было засеяно 30 гектаров овощных культур, имелось 67 голов крупного рогатого скота,

23 лошади и 40 оленей. В том же году членами колхоза было выловлено 3200 центнеров рыбы.

Вместе с развитием планового общественного хозяйства среди орочей появились новые специальности, которых раньше они не имели. Например, М. Т. Намунка и И. Ф. Акунка, окончив курсы шкиперов, стали работать на моторных баркасах.

Н. П. Сидоров среди взрослого населения ликвидировал неграмотность.

Общественную деятельность советского учителя среди ранее отсталого и вымирающего народа высоко оценило советское правительство, наградив его в декабре 1944 года орденом Ленина.

Поздравить с правительственной наградой любимого учителя собралось все население Уськи-Орочской. От имени собравшихся один из ораторов обратился к Н. П. Сидорову с волнующими словами:

— Николай Павлович, тебе награда — орден. Это раз. Тебе награда — твое дело. Это два. Тебе награда — наше спасибо. Это три. Ты получил три награды. Ты наградил нас светом, тебя наградили славой. Мы тебе сказали, — нашу книгу разметал ветер. Сталин написал нам другую книгу. Эта книга — наш закон. Ты научил нас читать эту книгу. Ты вывел нас из леса на дорогу. Мы знаем: тебя послал к нам Сталин. Ты напиши от нас Сталину: спасибо тебе, Сталин, за твой закон, спасибо за награду нашего учителя.

В годы советской власти над удэхейцами, орочами и другими народностями Приморья установлено постоянное врачебное наблюдение. О состоянии здоровья этих народов в прошлом свидетельствует сообщение В. К. Арсеньева. В 1913 году на съезде врачей в г. Хабаровске В. К. Арсеньев указывал на быстрый процесс вымирания «инородцев», на отсутствие в стойбищах лечебных учреждений и медикаментов. В работе «Лесные люди» Арсеньев пишет, что среди удэхейцев, брошенных царским правительством на произвол судьбы, «особенно сильно свирепствует... оспа, от которой удэхейцы вымирают с изумительной быстротой. В течение нескольких суток от целого стойбища не остается ни одного человека» (В. К. Арсеньев, Соч., т. V, стр. 146, изд. 1948 г.).

Писатель А. Фадеев в романе «Последний из Удеге» о прошлом этого народа писал: «Вид у этих людей был из-

можденный, забитый: у некоторых головы были в лишаях; глаза гноились от трахомы... Вырождение, гибель шествуют по пятам народа».

На одном из притоков реки Копи — р. Ульме (Советский район) — до сих пор сохранились идолы (изображения человеко-зверя), которые были поставлены в знак того, что находившееся на том месте стойбище орочей посетила страшная, повальная болезнь, от которой не осталось ни одного человека.

В корне изменилось, стало совершенно иным положение этих народов в советский период. Большой интерес в этом отношении представляет сообщение заслуженного врача РСФСР товарища Острякова, не раз принимавшего участие в медицинских обследованиях удэхейцев и орочей в советское время и побывавшего в 1947 году в удэхейском селении Самарга. На медицинский осмотр, проводившийся в 1947 году, население Самарги откликнулось охотно. Большинство жителей, приходивших на осмотр, оказалось совершенно здоровым. «Особенно тронула меня одна встреча, — рассказывает тов. Остряков, — пришла молодая женщина — не для лечения, не для осмотра, а так, чтобы рассказать о своей семье. По словам моей гостьи, вся ее семья и она помнят меня, здоровы, бодры, некоторые побывали на фронте и теперь занимают различные общественные должности».

По заявлению врача Острякова, в селении Акзу среди удэхейцев «от бывшего когда-то среди них туберкулеза осталось только воспоминание, открытых форм этой болезни совершенно нет, детское население крепкое, упитанное. Произведенный нами всесторонний осмотр населения не обнаружил никаких инфекций».

Удэхейцы — жители таежного селения Сяин — являются природными охотниками. Охота на пушного зверя доставляет им основные средства к существованию. Однако как разительно изменились их материальные выгоды от охоты сейчас по сравнению с прошлым!

Охотник-удэхеец и в дореволюционное время в тайге добывал ценные шкурки соболя и чернобурых лисиц, но тогда дорогостоящие шкурки, это «мягкое золото», за бесценок отбирал у него жадный скупщик пушнины. Семья охотника терпела вечную нужду, влачила полуголодное существование, а сам охотник находился в неоплатном долгу у скупщика, покупая у него по баснословным ценам (выменивая на

дорогие шкурки) низкого качества муку, чай, сахар, табак и другие продукты.

Сейчас богатые дары тайги — шкурки соболя, куницы и другого пушного зверя — охотник сдает на пункты «Союзпушнины», за что получает из государственных магазинов все необходимые доброкачественные промышленные товары (шелк, лучшие ткани, шеврот, обувь, швейные машины, патефоны, радиоприемники и т. д.), а также продукты питания. Подобное вознаграждение создает высокий стимул к развитию охоты на пушного зверя. Например, такие охотники в Сяине, как Лифанди и Канчуга, ежегодно государственный план добычи пушнины выполняют на 180 и 200 процентов, а в 1947 году они выполнили трехлетний план. Значительно перевыполняется план по добыче корня женьшеня, этого редкого и чрезвычайно целебного растения — представителя приморской тайги.

Исчезли суеверные представления об «удачной» или «неудачной» охоте, которую удэхеец в прошлом обязательно связывал с тем или иным сновидением. Раньше охотник не выходил в тайгу на пушной промысел до тех пор, пока не увидит «хорошего» сновидения, «плохой» сон, по его представлению, сулил ему «худую» охоту.

Теперь подобное суеверное отношение к тому или иному сновидению высмеивается самими же охотниками. Если сейчас кто-либо из охотников и выскажет свое предположение насчет «дурного» сна, то такому охотнику товарищи обычно отвечают: «сказки рассказываешь, а ты иди на охоту».

Если в прошлом среди удэхейцев и орочей невозможно было найти грамотного человека, то теперь, за исключением древних стариков, трудно найти неграмотного. Взрослое население ликвидирует неграмотность в специальных вечерних школах.

Из среды этих народов вышли кадры советских и общественно-политических работников, выросла своя национальная интеллигенция. В колхозе «Ороч» поселка Уська-Орочская работает бригадиром по сельскому хозяйству Филипп Акунка. Бывший фронтовик, с боями дошедший до Берлина, Николай Еменка в настоящее время является председателем сельсовета. Дарья Намунка и Надежда Акунка работают учительницами.

Невероятным событием было в дореволюционное время, чтобы удэхеец, житель глухой таежной окраины, мог полу-

чить высшее образование в столице Российской империи. Однако в советский период то, что было невозможным в старое время, стало реальным и естественным правом каждого советского гражданина. Примером этого может служить удэхеец Соза Дункай из селения Сяин, который еще до войны окончил в Ленинграде Институт народов Севера. В годы Великой Отечественной войны он вместе с товарищами отправился на фронт защищать советскую Родину и свой народ от немецко-фашистских захватчиков. В сражениях с врагом Соза Дункай завоевал славу первоклассного снайпера. Сейчас Дункай работает учителем в Сяине.

Приобретенные знания в институте учитель-воин передает ученикам — детям односельчан, воспитывает в них ненависть к врагам советского народа и глубокое чувство любви к своей Родине, коммунистической партии, великим вождям трудящихся Ленину и Сталину, которые так много сделали для маленького народа удэхе, вырвав его из царства тьмы и несправия, в котором он пребывал века.

По вечерам в избе-читальне на беседы учителя собираются взрослые, юноши и девушки. Они с большим вниманием слушают рассказы о жизни их предков, о трудовом героизме советских людей, построивших социалистическое общество и теперь направляющих все свои трудовые усилия на то, чтобы осуществить и построить коммунизм в нашей стране.

Силами общественности здесь же устраиваются вечера художественной самодеятельности. В программе концертов — удэхейские песни и пляски, фехтование, удэхейская борьба и т. д.

Немало среди народностей Приморья коммунистов-общественников. Например, в колхозе им. М. Горького (с. Михайловка Ольгинского района), членами которого являются тазы, коммунисты-агитаторы Григорий Лан, Алексей Чи-Юи, Иван Чи Ва-лунь на своем языке разъясняют колхозникам важнейшие решения партии и правительства, проводят среди колхозников беседы по Сталинской Конституции, пятилетнему плану и другим темам.

«Напряженной многообразной жизнью» живут село Михайловка и его жители, — рассказывает в корреспонденции о тазах, помещенной в газете «Красное знамя» за 9 июля 1948 года, Б. Ильин. — Колхоз хорошо справился с весенне-полевыми работами. По итогам посевной артель занесена на краевую Доску почета. Доброй славой в селе пользуются

молодые трактористы-газы Володя Кинцин, Миша Ин и Сережа Циндиг. За пять месяцев текущего года они значительно перевыполнили плановое задание по тракторным работам. Так, В. Кинцин на тракторе «НАТИ» при годовом плане в 152 гектара вспахал 177. Выделяется своим трудом колхозник тов. Лизмин.

Во время Отечественной войны многие тазы участвовали в боях с немецкими захватчиками и японскими империалистами. Тов. Чи Ва-лунь, работающий бригадиром полеводческой бригады, вернулся с фронта кавалером двух орденов: Красной Звезды и Славы.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Ято Фуюниуц, вырастившей 15 детей, присвоено высокое звание Матери-Героини. Она активно участвует в многогранной жизни колхоза».

Экономическое состояние колхоза за сравнительно короткий срок значительно укрепилось. Если при организации сельскохозяйственной артели в ее состав входило ранее от 10 до 12 семейств тазов, разбросанных по глухой тайге, то в 1947 году колхоз уже насчитывал в своем составе 28 хозяйств.

Колхозом высеваются такие зерновые культуры, как пшеница, овес, ячмень, гречиха, кукуруза, из масляничных культур — соя. В 1939 году посевная площадь колхоза составляла 131 гектар, к 1947 году она выросла до 182 гектаров.

Увеличилось поголовье скота. Помимо находящегося в личном пользовании членов артели, на животноводческих фермах колхоза имеется 26 голов крупного рогатого скота, 25 лошадей. Вместо 7 голов свиней в 1939 году, колхоз в 1947 году насчитывал 22, а овец — 24 головы. За восемь лет с 1939 по 1947 год в колхозе увеличилось число пчелосемей с 40 до 68.

Значительно возросли денежные доходы колхоза. Если в 1939 году доходы сельхозартели составляли 16 тысяч рублей, то в 1947 году колхоз располагал доходами в 58 тысяч рублей. Основные средства колхоза в 1939 году составляли 71 тысячу 400 рублей, а в 1948 году они достигли суммы в 200 тысяч рублей.

Вместе с экономическим укреплением колхоза возрастало благосостояние членов артели, а вследствие этого и увеличилось зернопоставки государству. Так, в 1939 году колхозом сдано государству зерна по натуроплате 35 центнеров,

а в 1947 году по натуроплате зерна сдано 117 центнеров, по госпоставкам — 77 центнеров и возвращено семенных ссуд в государственные закрома 125 центнеров.

Немалый интерес представляет национальная культура малых народностей Приморья. Свежесть и оригинальность орнамента, изящество вышивки, своеобразие в подборе красок являются свидетельством необычайно развитого художественного вкуса и подлинного мастерства, которым обладают отдельные представители этих народов. Например, 70-летняя мастерица-рукодельница Екатерина Васильевна Акунка из колхоза «Ороч» еще в 1937 году изготовила шерстяную папку, отличающуюся изяществом отделки, в которую было вложено письмо членов колхоза «Ороч» к И. В. Сталину и вместе с подарками отправлено в Москву. В подарок великому вождю народов Мария Федоровна Еменка изготовила торбаза и рукавицы. Оригинальные образцы искусства представительниц старшего поколения орочского народа в настоящее время находятся в Москве, в Музее революции.

Екатерина Васильевна Акунка и Мария Федоровна Еменка имеют талантливых учениц и многолетний опыт и свое высокое мастерство успешно передают девочкам-школьницам.

Старейший дальневосточный писатель Т. М. Борисов, знакомясь с талантливо исполненными рисунками молодой художницы-нанайки, дал им высокую оценку. «При внимательном рассмотрении узора из цепи завитков, — писал он, — ясно выделялись: птица, несущая в клюве рыбу, хохлатый петух... Во многих случаях смелость линий, с какой художник выразил мотив орнамента, была поразительна. Нет лишних черточек, но стилизованное животное имело все атрибуты».

Национальное искусство малых народностей Приморья получило свое развитие лишь в советский период. Оно обогатилось не только новыми формами в изображении, но и глубоким социалистическим содержанием.

Презираемые и унижаемые во времена царизма и в настоящее время в капиталистических странах, малые народы лишь только в нашей стране, в советской художественной литературе нашли правдивое отражение. В таких произведениях, как «Дерсу Узала» В. К. Арсеньева, в романе А. Фадеева «Последний из Удеге», в повести «Сын орла» Т. М. Борисова, в книгах «Мангму» и «Амур-батюшка» Ни-

колая Задорнова показаны лучшие из представителей народов Дальнего Востока. Это смелые охотники и следопыты, это люди высокой душевной нравственности и чистоты. Гольд Дерсу и удэхеец Сарл, нивх Плеун и нанайец Удога способны глубоко волновать советского читателя и являются любимыми героями нашей молодежи. В письме к В. К. Арсеньеву А. М. Горький дал восторженный отзыв о «Дерсу Узала». Он сообщал: «Гольд написан вами отлично, для меня он более живая фигура, чем «следопыт» Ф. Купера, более «художественная».

Книги, раскрывающие богатый духовный мир ранее забытых и угнетаемых малых народов могли появиться лишь в результате существования советской власти и той национальной политики равноправия и дружбы между народами в нашей стране, которую осуществляет большевистская партия.

В результате огромнейших перемен, происшедших за советский период в экономической и духовной жизни малых народов Приморья, благодаря той братской, повседневной помощи русского народа, наличию в их среде своей собственной интеллигенции, изменился быт, характер и сам облик этих народов.

Уже не боязнь и недоверие вызывает теперь каждый вновь появившийся человек в селении удэхейцев или орочей, как это было в царские времена, а глубокое расположение и гостеприимство жителей.

По свидетельству одного из партийных работников Пожарского района К. Знамова, при входе в село Сяин, как правило, «румяные и чрезвычайно любознательные удэхейские дети наперебой громко здороваются и внимательно осматривают прибывшего в село гражданина.

Старики, дымя длинными трубками, важно и радостно отвечают на приветствие.

Женщины и девушки в национальных костюмах, расшитых ярким орнаментом, улыбаются и расспрашивают о районных новостях.

Мужчины-удэхейцы, проявляя свое гостеприимство, приглашают к себе в квартиру, как близкого родного человека».

Исчезли суеверные представления у жителей тайги о таинственных духах, населяющих окружающий их мир, исчезли шаманы и алчные купцы-грабители. Вместо них в та-

ежные селения пришла по-весеннему поливодная, распустившаяся всеми ростками молодого цветения обновленная жизнь.

Не благодатные лучи горячего солнца изменили жизнь удэхе, ороча, таза, солище и раньше щедро заливало своими золотыми лучами зеленые просторы тайги, а советская власть, завоеванная кровью рабочего класса России, кровью пролетариев, восставших на своих угнетателей, возродила жизнь малых народов, сделала ее радостной и свободной.

Воспитанные советской властью, великой партией Ленина—Сталина; удэхе, орочи, нанайцы и другие народности являются полноправными в многонациональной семье народов СССР. Наравне со всеми гражданами социалистического общества они активно участвуют во всех государственных и общественных мероприятиях своей Родины.

Судьба малых народов СССР, их возрождение и расцвет свидетельствуют о животворной силе социалистического строя, мудрости ленинско-сталинской национальной политики нашей партии. Победа социализма и демократии в нашей стране составляет основу свободы и независимости всех народов — больших и малых, населяющих Советский Союз.

Иное положение малых народов в империалистических странах. А. Кампбелл в книге «Это ваша империя», опубликованной в Англии в 1946 году, сообщает, что в Южно-Африканском Союзе заработная плата европейца в восемь раз выше, чем зарплата рабочего-негра одной и той же специальности. В угольных шахтах Индии женский труд оплачивается настолько низко, что предприниматели вместо лошадей используют труд женщин-туземок. Таково же положение в области образования. Так, в Кении (Африка) на образование детей белых расходуется средств в 26 раз больше, чем на образование детей-негров. Не лучше обстоит дело и со здравоохранением. В британских колониях, например, детская смертность достигает 40—50 процентов. До сих пор в империалистической Америке существует суд Линча — дикий самосуд белых над черными. В Америке из 13 миллионов негров лишь несколько тысяч пользуются избирательным правом.

У нас, в стране победившего социализма, советские граждане, независимо от национального происхождения, равны в своих правах. 21 декабря 1947 года удэхе, орочи, нанайцы вместе со всеми гражданами РСФСР избрали в

местные органы советской власти — Советы депутатов трудящихся — лучших своих сынов и дочерей.

Выражая чувство и настроение своего народа, колхозница Мария Тиктамунка из сельхозартели «Ороч», опуская в урну избирательные бюллетени, заявила:

— Я самый молодой избиратель в колхозе, гражданка самой справедливой страны, в которой и мы, орочи, чувствуем себя такими же людьми, как и все советские люди. Поэтому я с такой радостью голосую за кандидатов в депутаты краевого Совета — Анатолия Петровича Ратанова, городского Совета — колхозницу Аграфену Трофимовну Еменка, сельского Совета — нашего колхозника-рыбака Акунку.

Являясь полноправными гражданами страны социализма, самой справедливой страны в мире, удэхе, орочи, нанайцы и другие малые народности Приморья, активно участвуя во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни страны, вместе со всем нашим народом, под руководством большевистской партии, под водительством И. В. Сталина — успешно движутся вперед по пути, предначертанному Лениным — к победе коммунизма в нашей стране.

ским воздействием печати, партийной и литературной ответственности начинает улучшаться, но в основном лишь по линии очерков и публицистики, а также, в известной мере, по разделу литературной критики.

В разделах «Люди нашего края» и «По родному краю» (которые, кстати сказать, лучше было бы слить воедино) ценны — при всех своих частных недостатках — очерки Г. Халилецкого о колхозе-миллионере, А. Росткова об острове Путятине, Л. Зельцмана о Герое Социалистического Труда Алексее Степановиче Аллилуеве, начальнике комбината «Приморскуголь». Впрочем, в следующем номере альманаха очерк Леонида Зельцмана «Комсомольский делегат» цельнее первого по композиции материала и потому литературно сильнее дает образ цехового бригадира Петра Лобанова, воспитанника приморского комсомола.

Неплохи, в основном, очерк Марка Торчинского «Путь к победе», и статья Вл. Киселева «Многотысячники», лучшие страницы которой могли бы тоже быть отнесены не к публицистической, а к очерковой литературе. Хорошим очерком, а отнюдь не статьей, надо считать и работу К. Майбогова «Возрожденные народности Приморья».

Что касается очерка С. Волкова «Приморский виноград», то следует сказать: пусть еще не раз возвращаются и С. Волков и другие авторы «Советского Приморья» к подобным темам вдохновенного новаторства патриотов края в любой области народного хозяйства и культуры!

К сожалению, основные разделы альманаха «Советское Приморье» в его шестой и седьмой книжках не свидетельствуют о достаточной работе редакции и авторского коллектива над улучшением альманаха, хотя это и было обещано передовой статьей в шестом номере «Советского Приморья» под заглавием «За высокий идейный и художественный уровень литературы Приморья» в ответ на упоминавшуюся нами выше критическую статью об альманахе в газете «Культура и жизнь».

Напечатанный в альманахе рассказ Анатолия Вахова «Возвращаясь домой»... — произведение невыразительное при всей его внешней «гладкости», вернее именно благодаря ей, как правильно отмечалось писателем К. Горбуновым и другими на вышеупомянутом недавнем обсуждении альманаха в Москве. Отрицательное впечатление произвела новая повесть Вахова «Сергей Сазонов» в седьмой книге альманаха. Сле-